

По обыкновению вставши рано утром, я поспешил на станцию Махинджаури, чтобы ехать на Чакву. К моему удивлению, вместо поезда подошел вагон электрического трамвая, куда вместе со мною устремилось около десятка пассажиров — господа туристы-иностранцы. Не успел я сесть, как мы быстро помчались по направлению к Зеленому Мысу и, пролетев через туннель, остановились перед чем-то вроде парадно убранного вокзала. Я вышел вместе с остальными пассажирами, и перед нашими глазами открылось невиданное зрелище. Широкий, прекрасно шоссированный бульвар был обсажен высокими пальмами. Пышная финиковая пальма Сенегала, стройные и гибкие кокосовые пальмы, виденные мною только на фотографиях городов южной Бразилии, царственные *Oreodoxa (Roystonea regia)*, кубинская, или флоридская королевская пальма. — *Примеч. ред.*) чередовались правильно друг с другом, обрамляя бульвар, превосходивший роскошью цветников все пальмовые аллеи Ривьеры. Я вспомнил виденное в тропических городах Мексики. Группы громадных бананов сменялись древовидным дурманом *Datura arborea*, усыпанным цветами, похожими на белые лилии, огненно-красные коралловые деревья — невысокими цветущими цезальпиниями и олеандрами. Среди этих тропических цветников громадными кустами возвышались причудливые соланумы (речь идет о декоративных видах рода пасленовых. — *Примеч. ред.*). Как на каком-нибудь базаре, вроде тех, что выстраиваются у нас в Петербурге на Вербной неделе, была выставлена масса безделок, стояли лотки с фруктами, причем эти безделки, эти фрукты были так разнообразны и красивы, что невольно разбежались глаза. Мне невольно вспомнились японские лавочки в Нагасаки, в которых оставляют все свои сбережения возвращающиеся морем в Россию из Владивостока чиновники. То, что я видел на базарах в городах Мексики, что тащили с собою на палубы пароходов добровольного флота индейские торговцы во время остановок в Коломбо, — все это я с изумлением увидел

здесь, наваленное в живописном беспорядке или аккуратно разложенное на лотках в ожидании покупателя.

«Sennor! Grenadillas! Mui benitas», — остановила меня престелная смуглая креолка, с черными убранными красными гвоздиками волосами, в костюме, точно взятом напрокат из оперы «Кармен». Она показала на лоток, где лежали груды этих похожих на небольшие кабачки с твердой оболочкой фруктов *Passiflora edulis* (пассифлора съедобная, представитель того же рода, что и страстоцвет, известное комнатное растение. — *Примеч. ред.*). В них, точно завернутые в тонкую папиросную бумагу, лежали тающие во рту, ароматичные, прохладительные, как лучший лимонад, зернышки. Со вкусом их я когда-то познакомился на базаре Закатекаса, а цветы потом видел на балконе покойного Татарина в Сухуме. Рядом с ними, как в местечке Santa Lucia, в Неаполе, лежала горка обладающих предательскими колечками плодов кактусов. Вкусные клубни бататов и блюбочки душистых, как лучшая земляника, мелких плодов чилийской мирты, которыми меня угощал несколько дней назад на своей даче сын Татарина. Плоды авокадо *Persea gratissima*, столь вкусные с рюмкой хереса, и сладкие печеные бананы, которыми меня когда-то потчевали на Цейлоне, тающие во рту, напоминающие пирожки с вареньем. Были у нее и плоды конфетного дерева *Hovenia dulcis*, и фейхоа, которых я не видел в моих путешествиях — какие-то крупные шишки, по-видимому, с араукарии (на самом деле фейхоа очень далеко отстоит от араукарий — принадлежит к семейству миртовых и представляет собой куст с листьями и цветками, а происходит из Бразилии. — *Примеч. ред.*), и различные орехи. Но я не успел рассмотреть ее товара, как мой слух поразил резкие крики, когда-то слышанные мною на Яве.

«Ayer batu, Ayer batu!» — кричал разносчик с обнаженными почти до колен бронзовыми, смуглыми ногами, завернутыми в пестрый Sarong, в пиджаке из яркой материи, оставившем обнаженную грудь, и в чалме, не вполне закрывавшей

шапочку, какую обыкновенно носят малайцы. Он продавал, как на Яве, плиточки искусственного льда, им охлаждал прохладительные напитки — не те лимонады из химических препаратов, которыми отравляют свои желудки жители городов Закавказья в жаркие летние дни, но воду с семенами и сиропами тропических растений. Ее не всегда рискуют отведают европейцы, приезжающие на Яву, — но, раз отведавши, делаются самыми ревностными ее поклонниками.

Столь же смуглый, как этот яванец, японец манил меня, стоя сзади него за прилавком бамбуковых изделий. Мысленно я перенесся в Нагасаки — как там, целая коллекция чудных бамбуковых тростей возвышалась сзади прилавка. На одних извивались вырезанные поразительно близко к природе, красно окрашенные змеи, на другие как бы выползали из внутренности палки причудливые драконы. Третьи казались обвитыми изящными, усыпанными цветами растениями. Трудно было поверить, что это простой отрезок бамбука. Только коленчатое строение палки да ее круглая утолщенная, служащая ручкой головка, представляющая искусно срезанное основание бамбукового ствола с началом отходящих от него корней, свидетельствовали о материале, из которого делали эти трости, необыкновенно легкие, твердые, прочные и изящные. У нас в Батуме не умеют ни вырезать таким образом бамбуковые побеги, ни украшать их этой тонкой изящной резьбой. «Привозные?» — невольно спросил я у японца, стоявшего за прилавком. «Нет, с Чаквы, — ответил он мне ломаным русским языком. — Мы покупаем бамбук там, но работаем здесь по соседству, — сказал он мне, показав на небольшой чисто японский домик, возвышавшийся на соседнем пригорке. — Купите парочку, всего 50 копеек штука. За привозные вы заплатите не менее трех-пяти рублей. Или не выберете ли чего-нибудь из моего товара?» — И он обратил мое внимание на бесконечное разнообразие бамбуковых изделий, лежавших в его лавочке. Тут были и бокалы для перьев, украшенные резьбой из перламутра, и изящная мелкая мебель, и ширма, расписанная видами Японии и Кавказа. Можно было выбрать с Фудзиямою и с Арааратом. Можно было бы украсить стены комнаты — дать ей полную меблировку одними только этими бамбуковыми изделиями. А на стенах висели модели беседок, легких домиков, мостов, водопроводов, даже аэропланов и т. п. сооружений, которые за дешевую цену брался исполнять племянник торговца некий Марооко-сан — молодой японский архитектор-механик, живший в одном с ним доме. И как в Японии, рядом с этой лавочкой бамбуковых изделий под парусиновым навесом, под сенью пальм, между двумя высокими хамеропсами, стояла целая выставка той изящной лакированной посуды, которую под именем «японщины» привозят целыми кораблями из Иокогамы в торговые города Европы. Тарелки и пепельницы, изящно лакированные шкафики и вазы, этажерки в японском и европейском стиле. «Обратите внимание, — говорил мне торговец, — все эти предметы сделаны из местного лака. Смотрите, что это за лак! — И он бросил зажженную спичку на хорошоенькую чашечку, всю расписанную изображениями лотосов и хризантем. — Она может вся сгореть, не оставив следа на поверхности. Теперь такого лака вы не найдете в Японии. Конечно, вы можете его иметь лишь по заказу, и лишь осенью, когда деревья дают сбор, можно делать эти заказы». (Лаковые деревья, *Rhus verniciflua* из семейства сумаховых, дают ядовитый сок, из которого изготовляют лак для традиционных японских деревянных изделий. — *Примеч. ред.*)

Но я уже не слушал его более, а поспешил вперед по аллее, где справа и слева возвышались будочки торговцев. Я видел китайцев, торговавших тушью и бумагой, сделанной из бумажного дерева; далее виднелись мохнатые дождевые плащи из волокон пальмы хамеропс, с которыми так недавно не знали, что делать, батумцы, буквально варившиеся в

собственном поту при попытке надеть принятые в России резиновые плащи. Мне за несколько рублей продавали желтые непромокаемые плащи и зонтики из бумаги, пропитанной растительным воском, и тут же была свечная лавка, где свечи и восковые фигуры были нагромождены высокими горами. Дальше виднелись веера и игрушки из пальмовых листьев. Я подумал, что нахожусь на торговой улице где-нибудь на Формозе, но ряды белых домиков, гостиниц, с которых виднелся усаженный, как в Иокогаме, соснами благоустроенный пляж, говорили мне, что я на русском курорте. В то время как влево от бульвара, защищая основания его роскошных пальм от ветра, возвышались двухэтажные здания гостиниц, санаторий и купальных учреждений, вправо открывались панорамы роскошного тропического парка. Среди широких зеленых газонов виднелись группы высоких эвкалиптусов, круглые купы сизых, не сбрасывающих листья акаций и разнообразных деревьев, а за ними возвышались холмы с крайне своеобразными, большей частью дальневосточного стиля, постройками.

Украшенные серым морским гравием дорожки манили по ним проехать. И для довершения соблазна в нескольких местах бульвара, около изящной турецкой кофейни, вроде тех что много по Босфору, были устроены стоянки для маленьких легких автомобилей с зонтиками, как у ялтинских извозчиков. Их зонтики, однако, были пропитаны воском и сделаны непромокаемыми. Ими управляли не шоферы со страшными наглазниками, но одетые в русские рубашки, в шапочках с павлиньими перьями парни. Везде была выставлена такса. «Вам куда? — спросил меня деловито проводник-шофер, когда я занял место в таком экипаже. — В Америку или в Австралию или, может, сперва в японский храм? Или в чайный домик к гейшам?» — спросил он меня, лукаво улыбаясь. «В Америку», — скомандовал я наугад.

Мы покатали по парку, по бледно-зеленым газонам, и понесли среди рощ магнолий к болотистому берегу Чаквы. Здесь их сменил лесок так называемых болотных кипарисов, этих *Taxodium*, с листиками нежными, как зеленые перышки, только что развившимися после зимнего покоя. По опушкам этих рощ росли громадные колесовидные листья пальмы *Sabal adansonii*, на сухом пригорке возвышалась роща сосен с удивительно длинною хвоею, а среди них, под сенью платанов и тюльпанных деревьев, возвышалась обсаженная бананами хижина, населенная неграми. Ни дать ни взять уголок Южной Вирджинии или Флориды из области так называемых Dismal Swamps (Великое Мрачное болото, уникальная экосистема на границе штатов Вирджиния и Северная Каролина, существует и по сей день; когда-то это место служило убежищем для беглых рабов. — *Примеч. ред.*). Я уже составлял в уме английские фразы, чтобы заговорить с этими чернокожими американцами — потомками обитателей «хижины дяди Тома», как узнал среди них негра, которого еще молодым человеком встречал в Батуме и когда-то приглашал поступить к себе на службу в Россию. Он меня узнал также. «Что же вы здесь

делаете?» — спросил я его. «Да вот переселились сюда со всем семейством с прежнего участка, торгуем ликерами. Из здешних тропических фруктов изготавливаем по образцу тех, что привозят из Ямайки, Кюрасао и с Антильских островов. Тут их делают приезжие. Те не говорят по-русски — они играют негритянские пьесы и изготавливают ликеры, я же с братом торгую и служу переводчиком. От посетителей не отобьешься. Все больше моряка да военные. Говорят, что у нас не хуже, чем там, где они плавали». Но я не стал дальше останавливаться у негров и скомандовал ехать в Австралию.

Мы опять помчались по парку, и я заметил, что постепенно листопадные деревья Америки, различные породы дубов и ясеней, сменились группами эвкалиптов с их серой, грубой, поникшей листвой. Плакучие акации, будто громадные ивы, развесили свои ветви, усыпанные пушистыми желтыми шариками цветов, развивающихся круглый год (то, что неправильно называют «мимозой», для ботаников акация серебристая, *Acacia dealbata*. — Примеч. ред.). Травяные деревья стали попадаться вместо пальм по окраинам дорог. Среди них бегали ручные кенгуру; на холме возвышалась группа араукарий, тех самых *Araucaria bidwillii* и *excelsa*, орехи которых, как говорят, развивали у туземцев страсть к людоедству. «Что же, — спросил я моего возницу, — есть здесь и австралийцы?» — «Нет, — ответил он. — Но недавно из Новой Гвинеи привезли первобытного человека. Хотите, посмотрите, только туда путь дальний — надо проехать через Китай, Японию, Гималаи и Чили. Придется прибавить полтинничек». — «Ладно, ступай, только показывай, что по дороге есть интересного».

Мой возница повернул свой автомобиль к холмам. И вскоре мы очутились у подножия большой бетонной лестницы, обставленной каменными фигурами, которая вела к вершине горы. На горе была причудливая постройка с изогнутой кровлею из белой фарфоровой черепицы. Я увидел пред собой

копию одного из буддийских храмов, когда-то посещаемых мною в окрестностях Киото. Как там, густая темная роща японских криптомерий обрамляла храм со всех сторон. По обе стороны лестницы возвышались необыкновенно красивые зонтичные ели и саговники Японии. Сам храм мне показался постройкой баснословной ценности. Пока я недоумевал, каким образом это дорогое здание Страны Восходящего Солнца могло очутиться в стране побежденных, на берегах Черного моря, мне вышел навстречу знакомый проводник, японец Танаке. «Не правда ли, прекрасное здание, — сказал он. — И обошлось оно в грош». — «Как? — вскричал я. — Да ведь оригиналу нет цены!» — «Да, оригиналу, — заметил Танаке. — Но здесь вместо гранита — бетон, и вместо дорогой резьбы на дереве знаменитых резчиков древней Японии — гипсовые раскрашенные слепки». — «Но эффект ведь тот же», — заметил я. «Да, — сказал Танаке. — И мои соотечественники долго не хотели позволить воспроизводить этот храм в России, но уступили лишь потому, что им обещали, что это здание и будет служить храмом для здешних буддистов. Ведь здесь целое поселение». И он указал на характерные японские бамбуковые домики, разбросанные у подножья горы, тонущие в зелени резных японских кленов и слив с розовыми цветами. Эти домики из бамбука с их раздвижными бумажными стенами, с проходами, увитыми глициниями, с причудливыми сосенками перед входом давали полную иллюзию японской деревушки. «И много буддистов посещает ваш храм?» — «Есть несколько сингалез и тибетцев, — сказал Танаке. — Японцы же больше посещают чайную. Не хотите ли взглянуть?» И он повел меня по проходу к домику японского типа, перед которым, как где-нибудь в Токио, открывался вид на маленький садик с карликовыми деревьями, группами цветущих азалий около крошечного прудика, где виднелись любимые японцами листья *Farfugium grande*, по-